

Стецюк 1999: Стецюк, Б.Р. Юридична лексика кримінально-процесуального права Гетьманщини: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 “Українська мова” [Текст] / Б.Р. Стецюк. – Запоріжжя, 1999. – 20 с.

Трушина 2005: Трушина, Е.В. Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения (в русском и французском языках) [Текст] : автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. філол. наук: спец. 10.02.02 “Языки народов Российской Федерации” / Е.В. Трушина. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.

Укр. мова: Енциклопедія 2004: Українська мова: Енциклопедія [Текст] / Редкол.: В.М. Русанівський, О.О. Тараненко (співгол.), М.П. Зяблюк та ін. – 2-ге вид., випр. і доп. – К.: Вид-во “Укр. енцикл.” ім. М.П. Бажана, 2004. – 824 с.

Хижняк 1997: Хижняк, С.П. Юридическая терминология: формирование и состав [Текст] / С.П. Хижняк. – Саратов: СГУ, 1997. – 136 с.

Исследуется понятийная основа понятий “термин”, “терминология”, “терминосистема” в криминалистике как юридической науке, уточнено понятие “номенклатурных названий” как особых терминов, которые соотносятся с конкретными понятиями, прослеживается расхождение в толковании понятия “терминология” среди языковедов.

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, номенклатурные названия, юридическая терминология, криминалистическая терминология.

The paper deals with the concepts of notions as “term”, “terminology”, “term system” used in criminal sciences, the paper specifies concept “nomenclature names” as a term related to peculiar object of the reality, and explains the definition difference of the word “terminology”.

Keywords: term, terminology, term system, nomenclature names, judicial terminology, criminal terminology.

Надійшла до редакції 21 вересня 2010 року.

Ирина Герасименко

ББК Ш12=411.2*212.2*31

УДК 81'367.623.2+81'371

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ РУССКИХ КОЛОРАТИВОВ С ПРОИЗВОДНОЙ ЦВЕТОВОЙ НОМИНАЦИЕЙ

Статья посвящена исследованию змістового наповнення слів із вторинним колірним значенням, що використовуються в мові російського фольклору й у мові художньої літератури. У роботі розглянуто кількісне співвідношення цих одиниць у текстах різних жанрів, їхню семантику та функціонування.

Ключові слова: колоратив, семантика, російська мова, мова фольклору, мова художньої літератури.

Колоративы принято считать относительно закрытой группой слов. Однако состав русских цветообозначений пополняется. Увеличение числа этих единиц происходит не только за счёт описательных конструкций с компонентами *цвет / цвета*, словосложений и заимствований, но и за счёт прилагательных с производной цветовой номинацией. Несмотря на наличие исследований в отношении таких адъективов (см., например, работы О. А. Давыдовой, А. П. Василевича, А. А. Качаевой, Г. Ф. Одинцова и др.), изучение этой группы слов сводится к рассмотрению их значений. Поэтому цель данной статьи – проанализировать состав и семантику адъективов с производной цветовой номинацией и сравнить их использование в русской народнопоэтической и литературно-художественной речи. Материалом исследования послужили примеры из разножанрового фольклора и произведений И. Тургенева, О. Мандельштама, И. Северянина, Л. Андреева, И. Бунина, А. Солженицына, М. Шолохова, братьев Вайнеров, Ч. Абуллаева, Л. Улицкой, А. Иличевского, А. Прилепина. Выбор довольно широких временных рамок, жанров, направлений и идиостилей отвечает цели исследования. А именно – комплексно описать расклассифицированные по семантическим группам русские колоративы с производной цветовой номинацией и сопоставить их использование в языке фольклора и в языке художественной литературы.

Цветовые значения у слов с производной колоративной номинацией возникли «по модели “такой, как...”» [НЦИЯ 2007: 229] благодаря, в основном, «предметно-языковой», соотносимой с цветом конкретного объекта, стратегии запоминания цвета [Лю Юй Ин 2003: 29]. Эти производные метафорические образования с позиций современного языка подразделяются на две группы – прилагательные с первичной (1) и с вторичной (2) цветовой номинацией. К колоративам (1) относятся те, у которых значение цвета является основным и единственным. Это, например, закреплённые лексикографическими словарями лексемы *коричневый* ‘тёмный буро-жёлтый’ [МАС 1983 (2): 104], *багровый*, *багряный* ‘червлёный’, ‘пурпуровый’, ‘самого яркого и густого красного цвета’ [Даль 1981 (1): 36], *кипennyй* ‘белый’ [МАС 1983 (2): 50; Даль 1981 (2): 30, 109], *кубовый* ‘синий’ [МАС 1983 (2): 144]. Они, будучи образованными от существительных *корица*, *багрец*, *кипень*, *куб*, «постепенно утрачивают изначальную этимологическую связь со своим источником и начинают восприниматься как абстрактные» лексемы [НЦИЯ 2007: 10] с цветовым значением. Ср.: *На шелковистом коричневом картоне стоял золотой факсимильный росчерк и строгий штампик* (Л. Улицкая); *На её багряном*

лице сердитость была малиновая (А. Солженицын); *Она сумела цепкой извлечь из-под штукатурки испанку – и обнаружить красные тупоносые туфли на толстых каблуках под кипенными оборками [...]* (А. Иличевский); *И странно было видеть, как тепло, несмотря на зной, были одеты мужчины: кубовая рубаха до колен, ватная куртка [...]* (И. Бунин). Данные адъективы представлены в народнопоэтической (*коричневый, багрецовый*) и индивидуально-авторской речи (*коричневый, багровый, багряный, кипенный, кубовый*). Ср. употребление лексем *коричневый, багрецовый* в языке устного народного творчества: *Ах, тёща к обедне идёт, / На ней [...]* / *Епанечка коричневая, / На ней шапочка аленькая* [РФ 1986: 187]; *У собора пресвятыя Богородицы, / Мощёны мосточки всё калиновы, / А вбиты гвоздочки шеломчатые, / Расстилены сукна багрецовые* [Былины 1988: 373]. В структуре значения данных слов содержится, как правило, только сема цвета. Исключением выступает прилагательное *коричневый*, которое в литературно-художественной речи наделено различными оценочными смыслами. В частности, при описании элементов внешности семантика данного колоратива может дополняться не зафиксированными в ряде толковых словарей (см., например: [МАС 1983 (2): 104; Ожегов 1986: 254]) значениями ‘старый’, ‘увядший’, ‘больной’. Ср.: *Старуха [...]* *горестно жевала коричневыми и сухими, как вишнёвая кора, губами* (М. Шолохов); [...] *узбек – высохший, худенький, почти коричневым старик с клинышком маленькой чёрной бородки и в коричневой же потёртой тюбетейке* (А. Солженицын); *По коричневому лицу её, по глубоким морщинкам на щеках катились мелкие, как бисер, слезинки* (М. Шолохов). При репрезентации артефактов коричневого цвета в языковом сознании говорящих также сформировано оценочное значение ‘старый’ по отношению к прилагательному *коричневый*. Ср.: [...] *из тупоносых лагерных кирзовых ботинок вывешивались уголки портянок, коричневых от времени* (А. Солженицын). Кроме дополнительных созначений ‘старый’, ‘увядший’, ‘больной’, лексема *коричневый* наделена в русской лингвокультуре образным смыслом ‘нацизм’ в составе перифрастического интернационализма *коричневая чума* [Ожегов 1986: 254], который в индивидуально-авторской речи осложняется дополнительным значением ‘коммунизм’ и синонимизируется с композитом *красно-коричневый*. Ср.: *И вы равняете нас, освободителей Европы от коричневой чумы, с фашистской нечистью?* (братья Вайнеры); *И, наконец, сказали, что коммунисты ничуть не лучше фашистов, даже термин придумали «красно-коричневые»* (Ч. Абдуллаев).

К числу адъективов с вторичной цветовой номинацией (2) принадлежат используемые в народнопоэтической и литературно-художественной речи слова *золотой* ‘золотой’, *серебряный* ‘серебряный’, *розовый* ‘бледно-красный’, *вишнёвый* ‘тёмно-красный’, *бирюзовый* ‘зеленовато-голубой’, *кумачовый* ‘ярко-красный’, *небесный* ‘голубой’ и их дериваты. В список употребляемых в языке художественной литературы колоративов (2) входят также образованные от существительных слова *аквамариновый* ‘зеленовато-голубой’, *аспидный* ‘чёрный’, *агатовый* ‘чёрный’, *малиновый* ‘красный’, *малахитовый* ‘ярко-зелёный’, *фиалковый* ‘цвета фиалки’, *ржавый* ‘красно-бурый’, *изумрудный* ‘ярко-зелёный’, *опаловый* ‘бледно-стекловидный’, *оливковый* ‘жёлто-зелёный с коричневым оттенком’, *пшеничный* ‘цвета пшеницы’, *соломенный* ‘светло-жёлтый’, *песочный* ‘коричнево-жёлтый’, *смоляной* ‘чёрный’, *сумрачный, сумеречный* ‘серый’, *пламенный* ‘оранжево-красный’, *сиреневый* ‘лиловый’, *молочный* ‘голубовато-белый’, *абрикосовый* ‘цвет абрикоса’, *персиковый* ‘цвета персика’, *красный* ‘цвета крови’, *мандариновый* ‘цвета мандарина’, *апельсиновый* ‘цвета апельсина’, *пепельный* ‘сероватый’, *огненный, огнистый, огневатый* ‘красный’, *бронзовый* ‘золотисто-коричневый’, *шафрановый* ‘жёлто-оранжевый с коричневым оттенком’, *рудой, рудный* ‘рыжий’, *каштановый* ‘коричневый’, *кофейный* ‘тёмно-коричневый’, *шоколадный* ‘коричневый’, *канареечный* ‘светло-жёлтый’ и др. По сути, лексемы *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый, бирюзовый, кумачовый, небесный* функционируют и в языке фольклора, и в языке художественной литературы. При этом в народнопоэтической и литературно-художественной традиции отмеченные колоративы и их дериваты являются (за исключением слов *золотой, серебряный* в языке фольклора и *золотой, серебряный, розовый* в языке художественной литературы) моносемантиками, описывающими цвет артефактов. Например: *Ах, тёща к обедне идёт, / Молодая к обедне идёт, / На ней юбочка вишнёвая* [РФ 1986: 187]; *Платочек мой, / Бирюзовенький, / Утирайся, милый мой, / Пока новенький* [Частушки 1990: 316]; *Не прогнавайся, хозяин, / В чём ходила, в том и вышла: / В белой тоненькой рубашке, / В кумачовой телогрейке* [НТ 1991: 105]; *Прилетели голуби, нарядили её в платье золотое, туфельки красные, а в косы ленты вплели небесные* [Сказки 1988: 316]; *Ильинична польхала вишнёвым румянцем [...]* (М. Шолохов); *Это было у моря, где волна бирюзова, / Где ажурная пена и соната пажса* (И. Северянин); *У переднего всадника на груди кровел, как рана, кумачовый бант* (М. Шолохов); *Дверь открыла та женицина в небесных погонах с тупым и тяжёлым лицом* (А. Солженицын). Напротив, адъективы *золотой, серебряный* в языке фольклора, и в языке художественной литературы наделены разными значениями. Так, слово *золотой*, которое справедливо считают одним из самых «распространённых, высоковалентных определений» русского фольклора [Давыдова 1984: 119], регулярно употребляется для обозначения ‘хороший’, ‘лучший’, ‘дорогой’. Например: *Я на пожинку ходила, / По прокосью грабила, / Золотую слёзоньку / На пожинке оставила* [РФ 1986: 136]; *Стала Марфа Прекрасная в саду как красное солнышко, золотая грудь как звёздочка* [Сказки 1988: 406]; *У меня милка золотая – / Золотая, да не вся: / Кабы вся-то золотая – / Дотронуться бы нельзя* [Частушки 1990: 356]. Слово *золотой* «несёт образные и эмоционально-оценочные коннотации» [Пелевина 1987: 35] и в литературно-художественной речи. Например: *Представь себе: прелестная головка, так называемые «золотые» волосы и чёрные глаза* (И. Бунин); *У меня остаётся одна забота на свете: / Золотая забота, как времени бремя избыть* (О. Мандельштам); *Вижу я, будто стою я в поле, а кругом розь, такая высокая, спелая, как золотая* (И. Тургенев). Лексема *серебряный* в свою очередь передаёт смыслы ‘хороший’, ‘звонкий’, ‘блестящий’. Ср.:

Отыграли мои пальцы / По серебряным ладам; / Отходили мои ножки / За миланей по следам [Частушки 1990: 136]; *В равнинных степях дружно таял снег, обнажались жирно блестящие чернозёмом проталины, серебряными голосами возговорили вешние ручьи [...]* (М. Шолохов). К полифункциональным единицам языка художественной литературы относится также слово *розовый*. Данное прилагательное надделено дополнительными коннотациями ‘здоровый’, ‘замёрзший’, ‘ничем не омрачённый’ при характеристике, например, цвета лица. Ср.: *Вёз их казак-старообрядец с таким детским розовым и чистым лицом, что даже Штокман беспричинно ёжил улыбкой губы, глядя на него* (М. Шолохов); *Первый – гренадёрского роста, гибкий, с розовым охолодавшим лицом – ступил на середину комнаты* (А. Солженицын); *Крохотная девочка в ватном пальтеце и капюшоне, из-под которого только и видны были розовые щёчки и носик, хотела подойти к совсем уже крохотной собачонке [...]* (Л. Андреев). Применительно к этим описаниям коллективное сознание фиксирует в семантической структуре колоратива *розовый* значение такого цвета, который «является признаком молодости, здоровья и отсюда приятного внешнего вида» [НЦИЯ 2007: 156]. Отметим, что при передаче цвета элементов внешности лингвокреативное мышление носителей русского языка может подвергать семантику указанного колоратива переработке, наделять слово *розовый* негативным контекстом. Ср.: *Даже издали было различимо его розовое, гладкое лицо отменно питающегося человека, что отличало депутата от всех рядом стоящих, серолицых и суетливых* (А. Прилепин). Возможно, слишком розовый цвет лица, описываемый с помощью адъектива *розовый*, воспринимается в русской культуре как благополучный, сытый, т. е. ‘плохой’, и контрастирует, тем самым, с уставшим, выработанным лицом.

Ряд колоративов с производной цветовой номинацией (2) употребляется не только для передачи спектральных значений с наличием / отсутствием дополнительных смыслов, но и значений неконкретизированного, тёмного цвета. Это, например, относится к прилагательным *сиреневый* и *опаловый*. Ср.: *В сиреневой колючей над двором темноте чернела приоткрытая дверь сарая* (М. Шолохов); *Мимо, в опаловой ночной темноте, поблёскивая огнями, пробежали вагоны Дагестанского полка* (М. Шолохов). Употребление слов *сиреневый* и *опаловый* для выражения тёмного времени суток оправданно. Колоратив *сиреневый* как ‘лиловый’ и лексема *опаловый* как ‘бледно-стекловидный’, связанный со значением ‘непрозрачный’, допустимы в таком употреблении. В силу их смыслового содержания данные адъективы синонимизируются при описании тёмного цвета.

Лексемы с первичной (1) и вторичной (2) цветовой номинацией вошли в группу колоративов на базе прототипических объектов, поиск которых «идёт постоянно» [НЦИЯ 2007: 126]. Носитель языка, «давая имена цветовым оттенкам по аналогии с соответствующими предметами, в первую очередь привлекают те из них, которые чаще всего попадают на глаза, лучше всего ему известны» [Василевич 1987: 131]. К таким эталонам-прототипам принадлежат драгоценные металлы (*золотой, серебряный*), минералы (*аспидный, малахитовый*), драгоценные (*изумрудный*) и полудрагоценные камни (*агатовый, бирюзовый, аквамаринный, опаловый*), растения (*розовый, фиалковый, кубовый, сиреневый, шафрановый, каштановый, пшеничный, оливковый*), фрукты, ягоды, цитрусовые (*абрикосовый, персиковый, малиновый, вишнёвый, мандариновый, апельсинный*), ткани (*кумачовый*), сплавы и ржавчина (*бронзовый, ржавый*), песок (*песочный*), смола (*смоляной*), солома (*соломенный*), небо (*небесный*), напитки и сладости (*молочный, кофейный, шоколадный*), кровь (*кровавый, рудой, рудный*), краска (*багровый, багровый, багряный*), огонь (*огненный, огнистый, огневатый*), пламя (*пламенный*), пепел (*пепельный, пепелистый*), сумрак (*сумрачный, сумеречный*), птицы (*канареечный*), кипень (*кипенный*). Из нецветовых значений данных прилагательных развились спектральные оттенки, которые и закрепились в семантической структуре указанных лексем. Ср. использование слова *агатовый* в первичном ‘из агата сделанный’ и во вторичном (спектральном) значении: *Леночка [...] вдела в уши чёрные агатовые блюдечки с мелкой жемчужиной посередине [...]* (Л. Улицкая); *Желтоватый загар ровно покрывал [...] кожу её широкоскулого лица, грубоватого, но почти красивого своей прямой и строгой живостью глаз – не то агатовых, не то янтарно-серых, менявшихся, как у кошки* (И. Бунин). Часть адъективов – это малочастотные (*кубовый, кипенный, аспидный*) или отнесённые к периферии семантических рядов (*рудой, рудный*), образованные от зап. *руда* ‘кровать’ [Даль 1982 (4): 108] < ‘вода’ < ‘тьма’ [Луценко 2009: 30] слова).

Итак, несмотря на относительную закрытость состава адъективов, обозначающих цвет, в русском языке эта группа лексических единиц имеет тенденцию к пополнению. Число колоративов расширяется благодаря появлению у качественных прилагательных производных цветовых значений. Однако продуктивность образования новых лексем, обозначающих собственно цвет, сопровождается (за исключением слов *золотой, серебряный* в языке фольклора и *золотой, серебряный, розовый, коричневый* в языке художественной литературы) их моносемантизмом. Прилагательные с производной цветовой номинацией носители русской лингвокультуры используют для актуализации цвета и, в ряде случаев, связанного со спектральными характеристиками смысла ‘тёмный’ (*сиреневый, опаловый*). Количественный состав данных слов в языке фольклора и в языке художественной литературы различен. В народнопоэтической речи имеет место ограниченный список лексем с производной цветовой номинацией (*золотой, серебряный, розовый, коричневый, багровый, вишнёвый, бирюзовый, кумачовый, небесный*). Рассматриваемые прилагательные в индивидуально-авторской речи представлены широким списком слов. Такой состав и семантика адъективных колоративов свидетельствует, во-первых, об увеличении числа лексем, которые обогащают возможности выражения цветовых оттенков, и, во-вторых, об их узком смысловом содержании (за исключением адъективов *золотой, серебряный* в народнопоэтической и *золотой, серебряный, розовый, коричневый* в литературно-художественной речи). Считаём, что дальнейшее изучение состава и семантики русских слов с производной цветовой

номинацией будет способствовать конкретизации полученных здесь выводов.

Литература

- Былины 1988: Былины [Текст] / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М. – М. : Сов. Россия, 1988. – 576 с.
- Василевич 1987: Василевич, А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте : на материале цветообозначения в языках разных систем [Текст] / А. П. Василевич / АН СССР ; Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1987. – 140 с. – Библиогр.: с. 135-139. – ISBN 5-484-00930-8.
- Василевич 2005: Василевич, А. П., Кузнецова, С. Н., Мищенко, С. С. Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / Под общ. ред. А. П. Василевича. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с. – ISBN 5-484-00057-2.
- Давыдова 1984: Давыдова, О. А. О семантической структуре прилагательного *золотой* в языке русских народных волшебных сказок [Текст] / О. А. Давыдова // Специфика семантической структуры и внутритекстовых связей фольклорного слова : сб. науч. тр. / Курск. гос. пед. ин-т. – Курск, 1984. – С. 118–126.
- Даль 1981: Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. [Текст] / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 1981. – 699 с.; Т. 2. – 1981. – 779 с.
- Даль 1982: Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. [Текст] / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1982. – Т. 4. – 1982. – 683 с.
- Луценко 2009: Луценко, Н. А. Истории наших слов : диахронно-лексикологические этюды [Текст] / Н. А. Луценко ; Донецкий национальный университет. – Донецк : Изд-во «Вебер» (Донецкое отделение), 2009. – 370 с. – Библиогр.: с. 329-342. – 350 экз. – ISBN 978-966-335-314-2.
- Лю Юй Ин 2003: Лю Юй Ин. Цветообозначение и символика цвета в китайском языке [Текст] / Лю Юй Ин // Актуальні проблеми металінгвістики : зб. ст. за матеріалами III-ї міжнар. наук. конф. / Черкаськ. держ. ун-т імені Б. Хмельницького. – У 2-х ч. – Ч. 1. – Черкаси : Брама, 2003. – С. 29–33. – Библиогр.: с. 321.
- МАС 1983: Словарь русского языка : [в 4-х т.] [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 2 : К–О. – 1983. – 736 с. – (АН СССР ; Ин-т рус. яз.).
- НЦИЯ 2007: Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ [Текст] / отв. ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с. – Библиогр.: с. 279-314. – ISBN 978-5-484-00930-5.
- НТ 1991: Народный театр [Текст] / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. – М. : Сов. Россия, 1991. – 544 с.
- Ожегов 1986: Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов [Текст] / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – [18-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
- Пелевина 1987: Пелевина, Н. Ф. Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значений цвета) [Текст] / Н. Ф. Пелевина // Семантика слова в диахронии : межвуз. темат. сб. науч. тр. / [редкол. : Р. В. Алимпиева и др.]. / Калинингр. гос. ун-т. – Калининград, 1987. – С. 35–42.
- РНЗПП 1990: Русские народные загадки, пословицы, поговорки [Текст] / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Ю.Г. Круглов. – М. : Просвещение, 1990. – 335 с.
- РФ 1986: Русский фольклор [Текст] / Сост. и примеч. В. Аникина. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
- Сказки 1988: Сказки : [в 3-х кн.] [Текст] / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. – М. : Сов. Россия, 1988. – Кн. 1. – 544 с.
- Частушки 1990: Частушки [Текст] / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. – М. : Сов. Россия, 1990. – 656 с.

Статья посвящена исследованию смыслового содержания слов с производной цветовой номинацией, используемых в языке русского фольклора и в языке художественной литературы. В ней рассмотрено количественное соотношение этих единиц в текстах разных жанров, их семантика и функционирование.

Ключевые слова: колоратив, семантика, русский язык, язык фольклора, язык художественной литературы.

This present paper is devoted to the examination of the Russian words with the secondary colour nomination in Russian folk texts and literature. The object of illustration is the quantitative correlation, semantic and functioning of these units.

Keywords: colour designation, semantics, Russian language, language of folklore, language of literature.

Надійшла до редакції 7 вересня 2010 року.